

В этот момент Хэ Яо, сидевший за главным столом, казалось, что-то почувствовал. Он внезапно поднял голову и обвел взглядом просторный банкетный зал.

Его взгляд был острым и пронзительным, словно клинок, только что обнаженный из ножен. Проходя мимо некоторых из присутствующих молодых людей из влиятельных семей, он заставлял их невольно задерживать дыхание и нервно сглатывать.

Однако Хэ Яо ничего необычного не заметил. В зале царила оживленная атмосфера, гости вежливо улыбались друг другу, а бокалы с вином отражали яркий свет хрустальных люстр.

— Глава Хэ, о чем вы задумались? — с легкой улыбкой спросил сидевший рядом с ним влиятельный глава другой семьи, поднимая бокал.

Хэ Яо тут же убрал тревожные мысли, напустил на себя обычное невозмутимое выражение лица, чокнулся с собеседником и сдержанно ответил:

— Ничего особенного. Просто подумал о том, что молодежь нынче стала совсем другой.

Тем временем в темном углу второго этажа, скрытом за тяжелыми бархатными портьерами, Су Чэньюй тихо выдохнул, почувствовав, как по спине пробежал холодок. Он только что едва не столкнулся взглядом с главой семьи Хэ. Если бы не своевременная реакция, его присутствие здесь могло бы раскрыться раньше времени.

Рядом с ним стоял Юань Фэйсин. Его лицо было бледным, а губы плотно сжаты. В глазах юноши читалось сложное сплетение страха, обиды и жажды мести. Он смотрел на происходящее внизу веселье так, будто это был пир во время чумы.

— Ты действительно думаешь, что сможешь изменить судьбу семьи Хэ? — тихо спросил Юань Фэйсин, не поворачивая головы к Су Чэньюю. Его голос слегка дрожал от переполнявших эмоций.

Су Чэньюй повернулся к нему, уголки его губ изогнулись в холодной, уверенной улыбке. Он протянул руку и легко похлопал Юань Фэйсина по плечу, словно успокаивая капризного ребенка.

— Судьбу нельзя изменить лишь с помощью страха, Фэйсин, — мягко произнес он. — Но ее можно переписать кровью и расчетом. Посмотри на них внимательно. Они празднуют свой триумф, но даже не подозревают, что земля под их ногами уже превратилась в зыбучие пески.

В этот момент в сознании Су Чэньюя раздался бесстрастный механический голос:

— Предупреждение: уровень завершенности текущего этапа плана составляет восемьдесят пять процентов. Господин хост, пожалуйста, соблюдайте осторожность. Любое отклонение от

сценария может вызвать непредвиденную реакцию у ключевых персонажей.

Су Чэньюй мысленно усмехнулся, отвечая Системе:

— Переживай за себя. Я контролирую каждый свой шаг.

Внизу банкет подошел к кульминации. Отец Хэ встал со своего места, привлекая всеобщее внимание. Он собирался сделать важное объявление, которое должно было окончательно закрепить статус семьи Хэ в высших кругах столицы.

Свет в зале немного приглушился, и лучи прожекторов сошлись на возвышении, где стоял старейшина клана.

Юань Фэйсин судорожно сглотнул и сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до боли.

— Начинается, — прошептал Су Чэньюй, делая шаг вперед из тени и расправляя складки своего костюма. В его глазах вспыхнул опасный, хищный огонек. Юань Фэйсин выглядел так, будто его испугал прямолинейный и внезапный признак чувств: его угольно-чёрные, блестящие, как черное с лунным отливом нефритовое стекло, глаза вмиг округлились, а сам он инстинктивно попытался отпрянуть назад. Но приподнятое изголовье кровати ещё не опустили, и он прижался спиной к не слишком мягкой подушке, оказавшись от мужчины на расстоянии всего в один палец.

Черноглазый Хэ Яо, словно вперивший взгляд в уже угодившую в ловушку добычу, излучал внушающий благоговейный трепет свирепый блеск.

Юань Фэйсин мысленно взвыл: [Тун-Тун! 99999999!]

Система ответила: [Понял тебя, желаю 99~]

Юань Фэйсин: [...]

Убегать было некуда, скрыться тоже не получалось, и Юань Фэйсин вымученно улыбнулся: — Конечно, я знаю, что братец любит меня, я ведь тоже люблю братца.

Услышав это, Хэ Яо улыбнулся ещё шире, словно с самого начала был прекрасно осведомлен о таком ответе.

Заметив это, Юань Фэйсин занервничал ещё сильнее и инстинктивно хотел облизать пересохшие губы. Но их нынешнее расстояние, позволявшее ощущать чужие выдохи, было поистине неподобающим.

Чуть приподняв подбородок, он отвел взгляд и принялся разглядывать воротник Хэ Яо: две расстёгнутые пуговицы придавали ему небрежный и естественный вид, а выступающий кадык бросался в глаза, источая, как и сам нынешний Хэ Яо, абсолютную агрессию.

— Цзя-Цзя.

Юань Фэйсин, набравшись храбрости, поднял голову и подумал: «О боже, пощади же этого ребенка!» Стоило ему поднять взгляд и встретиться с темными глазами Хэ Яо, как губы обожгло жаром, и в голове Юань Фэйсина вмиг стало абсолютно пусто.

Опомнившись, он попытался оттолкнуть мужчину, но Хэ Яо обнял его еще крепче. Большая ладонь, сжавшая его плечо, была горячей и сильной — сдвинуть ее с места не было никакой возможности, и Юань Фэйсину оставалось лишь жалобно мычать.

Хэ Яо провел кончиком языка по мягким лепесткам губ, пытаясь добиться большего. Юань Фэйсин крепко стиснул зубы, не желая поддаваться, но в голове по-прежнему царил хаос, и он не мог придумать, как поступить. Они замерли в противостоянии, а Хэ Яо со спокойной улыбкой снова и снова нежно покусывал и целовал его.

В прихожей VIP-палаты вдруг раздался голос дежурной медсестры:

— Простите, это палата повышенной комфортности, к кому вы направляетесь?

Это же голос помощника Отца Хэ! — узнал Юань Фэйсин. Он попытался оттолкнуть мужчину с новой силой, но обнаружил, что Хэ Яо по-прежнему держит его мертвой хваткой и не сдвигается ни на дюйм. Мало того, что он прижимал его всем телом, в его глазах читалось разнузданное веселье.

Юань Фэйсин был готов расплакаться. О каких-то там поцелуях он уже и не думал, сейчас его волновало лишь одно: лишь бы этот грозный старший проявил милосердие и не заставил его совершить каминг-аут перед всей семьей!

— Кто-то... м-м...

Стоило ему приоткрыть рот, как мягкое касание ворвалось внутрь, беззастенчиво завладевая им целиком.

Юань Фэйсин от напряжения был готов намочить штаны. Левой рукой он отчаянно колотил мужчину по плечам, а в его глазах читались скорбь и мольба: «Братец, не надо...»

За дверью продолжались голоса — шаги смешивались с разговором нескольких людей. Из-за сильнейшего напряжения его слух обострился до предела: с трудом заглушая влажные чмокающие звуки во рту, он различил снаружи голоса помощника, медсестры, Отца Хэ, а также Хун Маньшу с сыном.

Звуки проникали сквозь тонкое полотно двери, приближаясь с каждым мгновением, словно отсчет перед взрывом. Ручка двери со щелчком повернулась вниз.

Юань Фэйсин оцепенел. Ему показалось, что он погиб и этот ублюдок Хэ Яо сейчас выволочет его напоказ перед всей семьей!

Раздалось два щелчка, но дверь так и не открылась. Снаружи послышался озадаченный голос:

— Заперто.

Следом раздался стук, и помощник поинтересовался:

— Юный господин, вы внутри?

Юань Фэйсин выдохнул лишь наполовину, заметив, что давивший на него Хэ Яо наконец

ослабил хватку. Переплетённые, сжимающие друг друга губы медленно разжались, вытянув тонкую серебристую нить, которая тут же оборвалась и опустилась на уголок губ Юань Фэйсина, оставив на них влажный блеск. Но он продержался всего мгновение, прежде чем Хэ Яо снова жадно притянул его к себе. Лицо Юань Фэйсина покраснело до предела, и он тут же опустил голову — он просто не знал, с каким выражением лица теперь смотреть на Хэ Яо.

Хэ Яо легко усмехнулся, кончиками пальцев утёр ему губы и лишь после этого неторопливо поднялся с кровати, чтобы открыть дверь.

Юань Фэйсин чувствовал, что это уже ни в какие ворота не лезет, и, закрыв лицо одной рукой, заставил себя как можно быстрее прийти в себя. Сделав несколько глубоких вдохов, он откашлялся и, убедившись, что выглядит нормально, перевёл взгляд на дверь, готовясь встретить троих членов Семьи Хэ.

Хэ Яо, уже шагнувший к выходу, обладал широкими плечами и длинными ногами, а сшитый точно по фигуре костюм делал его ещё более красивым и подтянутым.

Подняв взгляд, Юань Фэйсин снова уткнулся в чёрные глаза Хэ Яо. Мужчина, поворачивая замок, уголком рта улыбнулся, словно говоря: «Тебе от меня не сбежать».

Юань Фэйсин мысленно: [Черт! (нецензурная брань)]

Система: [Хе-хе-хе-хе, понравилось?]

Юань Фэйсин: [???

Он не выдержал и завопил про себя: «А-а-а-а, почему вокруг одни извращенцы, а-а-а-а!»

Дверь наконец открылась, и Отец Хэ вошёл первым, слегка нахмутив брови: «Почему дверь была заперта?»

«Маленький Цзя спал после обеда».

Отец Хэ обошёл Хэ Яо и увидел на кровати уставившегося на него Юань Фэйсина. Брови мужчины разгладились, а затем взгляд упал на повязку у него на руке, и лицо снова помрачнело. Во взгляде читалось одно лишь сердцебиение от жалости: «Как же ты умудрился упасть!»

Следом вошла Хун Маньшу, а за ней — Хэ Чжо, который лично ездил встречать родителей в аэропорт. Трое членов семьи всегда появлялись в таком неизменном составе. Хун Маньшу намеренно добивалась того, чтобы у Отца Хэ сформировалось чёткое впечатление: настоящая, полноценная семья — это только они втроём.

Юань Фэйсин сказал Отцу Хэ, что сам не удержал равновесие. Отец Хэ едва не умирал от жалости — он лучше бы сам пострадал, чем позволил бы младшему сыну терпеть такие муки.

Хун Маньшу присела с другой стороны больничной койки и принялась развивать мысль Отца Хэ: «Сяо Цзя, ты даже не представляешь, как твой папа переживал в стране Ф! Отменил все дела на потом, сразу помчался в аэропорт, летел к тебе всю ночь, не смыкая глаз, да ещё и в грозу угодил».

«Прошлогодний медосмотр... Врач же велел ему беречь здоровье, в его годы сердце такие нагрузки едва ли выдержит...»

Отец Хэ прервал её болтовню нетерпеливым взмахом руки: «Я сам знаю, что со здоровьем».

Тут же вспомнив неприятности в аэропорту и оставшись недоволен организацией контроля воздушного движения, он волей-неволей поворчал пару минут, а напоследок со вздохом облегчения взглянул на Хэ Яо: «Спасибо, что приглядел за ним, старший сын. Ну как, рана ещё болит?»

В душе Юань Фэйсин превратился в суслика, который орал во всё горло: если бы Отец Хэ не пришёл, этот братец-извращенец, боюсь, ухаживал бы за ним прямо на больничной койке! А-а-а!

Поговорив некоторое время в духе сыновней почтительности и отцовской заботы, они наконец перешли к теме шоу.

Хэ Чжо после происшествия тоже заглянул в больницу отметить, но раз Отца Хэ рядом не было, изображать хорошего старшего брата ему совершенно не хотелось. Услышав, что Отец Хэ завёл разговор о передаче, он подключился к беседе и пересказал то решение, о котором упоминал Су Чэньюй.

Лицо Отца Хэ помрачнело, и он велел Юань Фэйсину больше ни в каких шоу не участвовать — маленькому господину из Семьи Хэ вовсе не обязательно терпеть подобные унижения. Юань Фэйсин понимал, что Отец Хэ сейчас на эмоциях, поэтому спорить с ним не стал, тихонько захныкал и перевёл тему, пожаловавшись на боль в руке.

Отец Хэ тут же забыл обо всём остальном и собрался звать врача, но Юань Фэйсин удержал его за рукав: «Папа, ты всю ночь напролёт мотался туда-сюда, толком не спал в самолёте, да? Как бы я ни лежал в больнице, дома всё равно лучше. Отвези меня домой, пожалуйста?»

С этими словами он опустил уголки глаз, изобразив жалобный вид. Стоявшему у изголовья Хэ Яо достался каждый миг этого представления — точно так же он, будучи ребёнком, выпрашивал у него конфету после визита к зубному, такой же обиженный и вызывающий жалость. Разница была лишь в том, что тогда конфетой были сладости, а теперь — губы.

Заметив, что Отец Хэ колеблется, Юань Фэйсин подался корпусом вперёд, прислонился к нему и обхватил левой рукой за локоть.

Судя по тому, как хорошо он знал Отца Хэ, если он останется в больнице, ухаживать за ним снова будет Хэ Яо! И всё потому, что он сам заложил фундамент для этого извращенца-братца! Заставил Отца Хэ считать Хэ Яо самым надёжным человеком!

Увидев, что выражение лица Отца Хэ дрогнуло, Юань Фэйсин продолжил усердно хныкать: «Папа, я хочу домой, дома так уютно, а в больнице от лекарств так сильно разит, как же я поправлюсь быстрее, если мне плохо?»

Отец Хэ посмотрел на него, а он продолжал строить глазки точь-в-точь как щенок. Хэ Яо внезапно заговорил, обращаясь к Отцу Хэ:

— Домой так домой. Утром врач на осмотре сказал, что послеоперационное восстановление идет отлично. Маленький Цзя привык к своей кровати, дома ему точно будет намного комфортнее, чем в больнице, а с перевязками справится доктор Чжоу.

Он имел в виду семейного врача из Поместья Хэ.

Хотя Хэ Яо говорил с Отцом Хэ, стоило Юань Фэйсину взглянуть на эту маску, как он вспомнил, какое давление этот мужчина только что на него оказал! А-а-а! Да он же сейчас умрет, умрет! Почему так сложно завести хорошие братские отношения с паршивым злодеем? Пожалуйста, проявите уважение к натуралам!

Юань Фэйсин: [Система, сколько компенсации ты собираешься мне начислить на этот раз?]

Система: [Поздравляю, господин хост, уровень завершенности вырос на 5 пунктов~ В общей сложности набежало 20 пунктов, прошу вас продолжать в том же духе~]

Юань Фэйсин: [Всего 5 пунктов?!]

Система: [Увы, в конце концов, это же не впервые~]

Юань Фэйсин тут же возмутился: [Ты же в прошлый раз чётко сказала! Разве можно назвать первый поцелуй настоящим, если он даже язык не засунул?]

Система: [Ой, блин, да только уровень завершенности от меня не зависит. Хочешь, попробуй еще раз с ним, устроим контрольную группу?]

Юань Фэйсин: [.....Иди-ка ты... в пень!]

От разговоров с Системой у него в голове аж гудело. Тут он услышал, как Отец Хэ принялся выговаривать Хэ Яо:

— Вечно ты балуешь младшего брата.

Юань Фэйсин от этого чуть прямо на месте не схватил кровоизлияние в мозг!

Он не удержался и издал ехидное «хех». Будучи первопроходцем в деле самокопания и тушения самого себя в чугунном котле, перед лицом такого законченного психопата, как Хэ Яо, ему оставалось лишь глотать кровавые слезы.

Его выражение лица заметила глазастая Хун Маньшу, и оно показалось ей довольно странным, ведь, по ее мнению, Хэ Яо и Юань Цзя были невероятно близки. Войдя в дом, она тоже подумывала о том, чтобы перетянуть Юань Цзя на свою сторону. Когда первый план провалился, она заставила Хэ Чжо заняться его обработкой, но как бы они ни старались, Юань Цзя всегда намертво прилипал к Хэ Яо.

Увидев у Юань Фэйсина редкое выражение недовольства по отношению к Хэ Яо, она с улыбкой спросила:

— Поссорились со старшим братом?

Юань Фэйсин слегка надул губы, снова обнял Отца Хэ за руку и капризно протянул:

— Старший брат совсем меня не балует, он контролирует меня даже строже, чем врачи! Лучше всех ко мне относится только папа!

Услышав это, Отец Хэ с улыбкой щелкнул младшего сына по носу. Юань Цзя еще немного поластился, и в конце концов Отец Хэ дал свое согласие.

Затем, когда все было готово, Хэ Яо бережно взял Юань Фэйсина на руки и усадил на просторное и удобное заднее сиденье, а оставшаяся троица членов семьи села в другую машину и они вместе направились в Поместье Хэ.

Поскольку Юань Фэйсин был ранен, водитель вел машину медленно и плавно, и расстояние до ехавшей впереди машины быстро увеличилось.

Юань Фэйсину пришлось прижаться к груди Хэ Яо. Снаружи на его лице не дрогнул ни один мускул, зато в душе творилась дикая паника: какое же проклятие, вся семья считает, что у них самые лучшие отношения, и любое его движение так или иначе связано с Хэ Яо!

Хэ Яо тоже полностью оправдал его панику: на глазах у ошеломленного Юань Фэйсина он протянул длинные пальцы и нажал на металлическую кнопку сбоку. Перегородка в салоне медленно поднялась, отгородив заднюю часть машины в замкнутое, независимое пространство.

Юань Фэйсин опешил:

— Ты-ты-ты что делаешь?

Хэ Яо ухватил его за подбородок, а Юань Фэйсин тут же мотнул головой, пытаясь вырваться. Когда его тело было совершенно здоровым, он и то не мог тягаться с Хэ Яо, не говоря уже о теперешнем положении, когда его правая рука была повреждена. В душе Юань Фэйсин кипел от ярости и тревоги. Опасаясь, что тот заденет рану, Хэ Яо прижал его к сиденью и мягко успокоил:

— Не двигайся, Сяо Цзя, я не причиню тебе вреда.

Мысленно Юань Фэйсин выругался: «Да пошел ты! Чертов извращенец! Если я еще хоть раз тебе поверю, я просто круглая дура!»

Однако на лице не осталось и следа борьбы: широко распахнув влажные глаза, он уставился на мужчину. В его глазах блестели слезы, а напускная наивность и невинность юного господина должны были показать, что даже сейчас он не в силах поверить, что самый близкий старший брат мог так с ним поступить.

— Брат, мы же кровные братья! Как ты мог...

Хотя звукоизоляционная перегородка в машине работала отлично, голос Юань Фэйсиня звучал необычайно тихо — в нем слышалось и беспокойство, что их застанут, и невыносимый стыд за происходящее.

Хэ Яо опустил взгляд, блуждая им по белому, словно нефрит, нежному лицу, где прозрачные капли слез уже увлажнили длинные ресницы, а уголки глаз покраснели вместе с манящими губами, которые недавно подвергались бесконечным ласкам.

Заметив, что Хэ Яо молчит, перепуганный маленький зверек заплаыл туманом слез еще сильнее.

Теплая ладонь легла на щеку, мягкие подушечки пальцев легко и неторопливо надавили на покрасневшие уголки глаз. На губах Хэ Яо по-прежнему играла едва заметная улыбка, а уголки его глаз слегка изогнулись, отчего черные зрачки казались бездонными и бесконечно нежными.

Хэ Яо вовсе не хотел пугать свое сокровище, но то, чего он желал, выходило далеко за рамки привычного.

— Почему не мог?

Не успел затихнуть голос, как мужчина снова впился в мягкие губы.

Юань Фэйсин изо всех сил заворочался, пытаясь вырваться, но все его отчаянные попытки сопротивления оказались бесполезны против хватки Хэ Яо. Сила мужчины была пугающе огромна, однако еще больше, чем физическое превосходство противника, Юань Фэйсиня шокировало то, что после нескольких безуспешных попыток вырваться он отчетливо ощутил перемены внизу... Тело мгновенно оцепенело, во взгляде смешались сложность чувств и полный хаос: и Юань Цзя, и Юань Фэйсин, столкнувшись с бурными эмоциями мужчины, были готовы лишиться рассудка!

Но Хэ Яо и не думал его щадить. Слегка прикусив его нижнюю губу так, что Юань Фэйсин от боли вернулся к реальности, Хэ Яо, продолжая целовать и покусывать его, низко пригрозил:

— Будь послушным, иначе этим дело не ограничится.

Юань Фэйсин: [Какого черта, мать твою ублюдок!]

В голове раздался сигнал Системы: [Пи-пи-пи, будьте культурным господом хостом, стройте цивилизованный мир.]

Юань Фэйсин: [Он же пытается меня изнасиловать!! Почему ты не призываешь к цивилизованности ЕГО?!] Что бы ни говорила дальше Система, Юань Фэйсин уже не мог отвлечься и прислушаться. Он сидел в объятиях Хэ Яо, не смея шелохнуться. Хэ Яо ослабил хватку, бережно взял его лицо в ладони и поцеловал — страстно, глубоко и с иступлённой нежностью.

Губы и язык неистово терзали его рот, а низкое, горячее дыхание Хэ Яо воздвигало непроницаемую клетку, сковывая всё естество юноши.

Слабая, беспомощная добыча дрожала от страха и ужаса. Острые клыки прижались к шее, сверкая пугающим холодным блеском.

Он предельно чётко осознавал: тот, кто собрался его пожрать, — не какой-то чужак, а его самый близкий человек, старший брат, которому он доверился всем сердцем. Глаза застлала пелена слёз. Крупные капли покатались из уголков глаз и бесшумно упали на мягкую ткань одежды, расплываясь мокрыми пятнышками, которые тут же высыхали от дуновения ветерка.

Заметив, что юноша всхлипывает, Хэ Яо потемнел взглядом. Он отпустил его слегка опухшие губы и прижал к своей груди, ласково поглаживая широкой ладонью по затылку. Прикоснувшись тонким губами к его макушке, он тихо прошептал:

— Сяо Цзя, не ненавижь брата.

Юань Фэйсин уткнулся лицом в грудь мужчины и тихо зарыдал. На этот раз Юань Фэйсин плакал по-настоящему: горько, обидно. Он же так усердно и добросовестно выполнял задания, а в итоге вырастил злодея, который теперь норовит отыметь его во все щели? Небеса предали меня!

Он обессиленно спросил у Системы:

— У меня остался только один путь?

Система рубанула правду-матку:

— Лечь и расслабиться.

Юань Фэйсин мысленно выругался: ...да чтоб у тебя мать на рынке втридорога затоваривалась!

Когда плач Юань Фэйсина поутих, Хэ Яо вытащил салфетку, чтобы вытереть следы слёз, но Юань Фэйсин выхватил её и принялся яростно тереть лицо сам.

Когда они выходили из машины, Юань Фэйсин оттолкнул Хэ Яо, намереваясь идти самостоятельно, и, ухватившись за руку дворецкого, изо всех сил старался держать корпус прямо.

Хун Маньшу посмотрела на оставленного позади Хэ Яо и мягко поинтересовалась:

— Что случилось? Поссорились с Сяо Цзя?

Хэ Яо потрепал себя по носу и с некоторым вздохом покачал головой:

— Он всё ещё хочет вернуться в Крылья Звезды, а я не согласился.

Хун Маньшу вспомнила только что виденного Юань Фэйсина — тот явно плакал, а его губы были неестественно опухшими и покрасневшими, так что дело было совсем не в разногласиях по поводу Крыльев Звезды. Она также вспомнила, как в больнице Юань Фэйсин не только на лице...

<http://bllate.org/book/22181/2311220>